

Деревянная гроздь

Алексей
Бартенев

Алексей Бартенев

Деревянная гроздь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577779

ISBN 9785448399343

Аннотация

Это сказочная история о мастере, который сделал часы. Часы необычные, деревянные. В свое творение он вложил душу, и часы ожили.

Содержание

1	5
2	10
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Деревянная гроздь

Алексей Бартенов

Иллюстратор Алексей Бартенов

© Алексей Бартенов, 2018

© Алексей Бартенов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-9934-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Когда-то, давным-давно, в одном маленьком городе, жил плотник. Помните сказку Буратино? Там у шарманщика Карло был сосед. Плотник Джузеппе. Его еще звали «Сизый нос» потому, что он очень любил вино. Так вот, тот плотник, о котором пойдет речь в этой истории, был не таким. Он был мастером, самым настоящим. Причем, настолько искусным, что мог сделать из дерева любую безделушку. Все его уважали, хотя и немного сторонились. Потому что был он человеком замкнутым, и слегка странноватым. Что тут греха таить, мы все с небольшой странностью. Однако он отличался тем, что всецело отдавался своему делу. Принесет ему кто-нибудь форточку свою развалившуюся, и скажет: «Отремонтируй, пожалуйста. Невозможно без нее спать. Комары ненасытные съели всего, места живого не осталось». Мастер возьмется за работу, и через день заказ готов. Только выглядит форточка эта, как произведение искусства. Резная, да с завитушками. И окно, словно новее становится от нее. Краше и наряднее. А с ручками на инструменты, так вообще, отдельная история. Почти в каждом доме есть лопата, или топор, или вилы, сделанные руками мастера. И стоят они, инструменты эти, в красном углу, и ими никогда не работают. Потому, что душа не позволяет прикоснуться к красоте такой.

И только дети, относились к нему как-то иначе, чем взрос-

лые. Настрогает он им свистулек и корабликов, а они радуются. Носятся с ними, играют. Не боятся сломать, или испортить. А родители гоняют их, да наказывают, чтоб не ходили к мастеру без дела, и не отвлекали старика.

Жил он на окраине, в построенном им же самим, уютном маленьком домике. Внутри было три комнаты, и мастерская. В одной комнате разместилась кухня, в нее можно было попасть сразу из коридора, в другой он хотел сделать что-то вроде кабинета. Обставить высокими стеллажами, чтобы потом заполнить их книгами, собрать массивный письменный стол, за которым хорошо бы думалось. Возле стола обязательно должен стоять резной стул, с высокой спинкой, и мягким сиденьем, на котором бы легко и приятно сиделось. Третья комната – это спальня, с кроватью и тумбочкой.

Как вы уже догадались, до кабинета очередь так и не дошла. Поначалу заняться воплощением задуманного не позволяла нехватка времени. Позже, когда оно у него появилось, оказалось, что кабинет превратился в чулан, заваленный всякой всячиной, которая со временем собирается, и выбросить ее ну никак нельзя. Безусловно, отсутствие кабинета тяготило его, но великой нужды в нем не было. Это как давняя детская мечта, которая не дает тебе покоя. Ему просто хотелось, чтобы он был. Зачем? Не знаю. Поразмышлять он мог и за кухонным столом, а заняться расчетами и работой, в мастерской. Но, ведь и без чулана жить не совсем удобно. Поэтому, всякий раз, проходя мимо этой комнаты

в мастерскую, он обещал себе, что непременно, скоро займется наведением там порядка, и изготовлением кабинетной мебели. На обещании все и заканчивалось. И скорее всего, в глубине души он понимал, что кабинета у него никогда не будет.

Рядом с этой мечтой жила другая. Она появилась немного раньше мечты о кабинете, и была не настолько несбыточной. Это была мечта о том, что однажды он сделает что-то удивительно прекрасное. То, что принесет ему всеобщее уважение, а жителям города радость, и пользу. К сожалению, изобретать он не умел, хотя постоянно пробовал, и пытался. Поэтому он решил сделать часы. Нет, не городские огромные часы, которые стоят на высокой башне. Для таких часов нужны немалые деньги, и специальные инструменты. Он решил сделать другие часы. Они стояли бы на площади, спрятанные в красивую коробку. Любой прохожий, за небольшую плату, мог бы узнать который час. Плата была бы самой минимальной. Можно даже сказать символической.

Изготовил он их не сразу, а очень долго, и кропотливо вначале все рассчитывал, и рисовал. Потом проверял, и заново перерисовывал. Когда приготовления были окончены, он взялся за работу. Самое удивительное то, что вопреки здравому смыслу, он решил сделать их из дерева. Все, от стрелок и до самого маленького винтика. Вы спросите: «Почему?» Да потому, что плотник знает все про дерево, и умеет с ним работать. К тому же в округе их росло немало, и можно было

не задумываться о поиске строительного материала.

Прекрасно разбираясь в свойствах пород древесины, он был слегка озадачен тем, что в механизме они вели себя иначе. Поиск необходимой для точной работы комбинации, оказался очень трудоемок. Нужно было вначале сделать шестеренку, установить на свою, сделанную специально для нее ось, и посмотреть, как она цепляется за другую шестеренку. И если все работает не так, как задумал мастер, то менять породу дерева, и все делать заново. И пусть первые его часы были предельно простыми, и состояли всего из тринадцати деталей, но на их изготовление он потратил целый год, и потерял даже часть своей души, которая оказалась запечатанной в этой небольшой коробочке. Можно сказать, что он вложил душу в свою работу.

Коробочка появилась, как и было задумано, на площади, и была принята обществом, как удивительное, и, безусловно, полезное творение мастера. Он ходил, гордый собой, и от переполнявшей его важности, раздувал щеки, и шевелил усами. Мастер посещал свой механизм дважды в день. Утром, чтобы завести его, и проверить точность работы, и вечером, чтобы собрать деньги. Все ведь знают, что оставлять монеты на ночь нельзя. Они должны храниться или в специальном сундуке, или в кошельке, плотном и завязанном. Как люди, которые ночью спят под одеялом. И это не для того, чтобы было теплее, а чтобы не стыдить небо своей наготой. Вот и монетки, не должны ночью видеть друг друга. Если этого

не делать, то деньги могут поспориться, и сбежать. Или заболеть, и пропасть вовсе.

Приблизительно через полгода, плотник осознал, что проект оказался успешным. Тогда он, решив обеспечить себя регулярным доходом, задумал поставить такие часы в нескольких районах своего города. В его мастерской вновь закипела работа. Но теперь все оказалось гораздо проще, чем в первый раз. Опираясь на опыт, и знания, приобретенные при создании первого «ящика времени», за следующие полгода он смог смастерить еще пять таких замысловатых устройств. Они заняли наиболее оживленные части города: парки, где частенько встречались и прогуливались влюбленные, и рыночные площади. Теперь практически все время у него уходило на то, чтобы обслуживать их. Однако к вечернему сбору прибыли он по-прежнему, относился, как к прогулке перед сном.

Прочих заказов, становилось все меньше, и меньше. Люди видели, как сильно занят мастер, и не хотели обременять его своими просьбами. Регулярные доходы начали менять его, как внешне, так и внутренне. И вскоре он стал относиться к своим творениям как к чему-то приносящему материальную выгоду, а не как к необходимому людям изобретению. Некоторое время спустя, он уже знал, сколько монет будет в конце дня в каждой из коробок. Пока одна из них не стала приносить меньше денег, чем раньше. С этого времени и начнется наше повествование.

Итак, знакомьтесь! Ленистр. Был он худ, со сверкающей лысиной на макушке, и большими моржовыми усами, которые, казалось, растут у него прямо из носа. Сейчас он сидел на кухне, и готовился хорошенько позавтракать. Завтрак состоял из двух яиц, булки, и ароматного кофе. Сытый, и счастливый он откинулся на диван, и глядя на пустой стол, задумался. Мысль о том, что его первая, самая выгодная, и самая любимая коробочка времени стала менее прибыльной, не покидала его голову с вечера вчерашнего дня. Из остальных пяти он доставал одно и то же количество монет, а из этой – нет. Чтобы разобраться в чем дело, он решил проследить, и подсчитать всех своих клиентов. Сразу после утреннего обхода, Ленистр приготовился, запасся едой, и отправился на пост. Там он уселся на сделанную им давным-давно походную табуретку, и наблюдая за голубями, облюбовавшими площадь, старался не упускать из виду свое творение.

Мысли, рождаемые на свежем весеннем воздухе, больше походили на клубы дыма, кружащие, и образующие витиеватые завитушки. Они напоминали оживший рисунок на морозном стекле. Переплетались между собой, таяли, и появлялись вновь. Одна из них была такой яркой, что выбивалась из общего ансамбля танцующих узоров. Это была мысль о том, что не дожидаясь, пока люди придумают его короб-

кам свои, не всегда красивые названия, нужно самому как-то их наименовать. То есть дело Ленистра подошло к тому моменту, когда перестало быть простой забавой, а становилось чем-то с именем. А имя приобретает только то, что имеет свое отличие, или особенность. Возьмем, например, табуретку. Как она появилась? Скорее всего, родилась из камня, на котором сидели, затем трансформировалась в пенек, из которого убрали все лишнее. Сделав ЭТО легким, и устойчивым, люди получили табурет. А вот он, обрстая спинкой, и подлокотниками превратился вначале в стул, а затем в кресло. Вершиной такой эволюции, конечно, является трон. Он не только удобный, он еще и подчеркивает статус и величие того, кто даже не сидит, а восседает на нем.

Так вот, кто может сказать, как называлось то нечто, на котором сидели до появления табуретки? Как назывался тот камень, или пенек? Правильно – никак. Ну, или «камень, на котором сидят».

В название своих коробок Ленистр хотел вложить и то, что они давали людям, и часть себя. Его мысли кружились вокруг слов связанных со временем, его профессией, и формой емкости, в которую заключен механизм. Но это должно быть не длинное слово. Идеальным было бы то, что нельзя переделать в ругательство. Выбирая между «Тайм-мастер», и «Короб времени», он, обнаружил, что слово «Таймомер» еще никто не придумал. Решив, что это лучшее название, он задумался над тем, как ему теперь сообщить об этом всем

жителям. Сидя, и размышляя над этой задачей, он не сводил глаз с таймомера, и вел учет каждого, кто подходил, и опускал туда монетку. К концу дня посетителей было ровно пятнадцать. Именно столько монет было всегда. По крайней мере, до того, как цифра стала уменьшаться. По расчетам Ленистра она могла только увеличиваться, но, никак не становиться меньше. Выходит, кто-то все-таки крал часть его прибыли. Мастер встал со своего табурета, сложил его, и засунув подмышку, быстрым шагом подошел к таймомеру. Он достал специальный ключ, вставил его в резное отверстие, провернул, и откинул верхнюю плоскость. Проверив механизм, и заведя пружину, он достал все три лоточка монетоприемника, и высыпал их содержимое к себе в мешочек. Затем, запер механизм, и отправился домой. Шагая по дороге, он думал, что стоит еще понаблюдать за своей коробкой, чтобы понять, как у него воруют деньги. А может, даже увидеть этого воришку. Ленистр попробовал его себе представить. В фантазии плут был похож на маленького бельчонка, или бурундука. Он запрыгивал на коробку, и держась за боковую стенку своими цепкими лапками, с помощью хвоста отпирал замок. Затем, воровато озираясь вокруг, запускал жадную конечность в недра механизма, и похищал одну монетку. Увлечшись этим занятием, мастер только на пороге дома вспомнил, что другие таймомеры тоже требовали время на обслуживание. Поэтому, забежав внутрь, и оставив мешочек с монетами в мастерской, он отправился к другим ма-

пинам.

Ленистр, потративший кучу времени на слежку, вернулся домой поздно вечером. Совершенно измотанный он поужинал, и повалился спать. Засыпая, он пришел к решению, что ему нужен помощник. Один он уже едва успевал. Но это должен быть верный человек. Друг. К сожалению, настоящих друзей, среди кучи всевозможных знакомых, у него не было. И, чтобы не потерять прибыль, он решил нанять человека со стороны. Это должен быть такой помощник, который не сможет придумать хитрость, чтобы украсть. Но, в то же время, его можно было бы научить управляться с инструментами. Нужен кто-то честный, и умелый. Честных еще называют наивными, или глупыми. Дураки не умеют обманывать. Слабоумные люди. Или дети. И он понял, что ему нужен взрослый, с наивной душой ребенка. Но где такого найти? Ответ на этот вопрос привел его в дом, где лечили душевнобольных людей. Скорее, даже не лечили, а содержали. Ведь душу очень сложно вылечить.

На пороге Ленистра встретил смотритель, который, выслушав плотника, задумался, и от этого, его лицо сделалось серьезным. Он сурово взглянул на своего гостя, сверкнул черными глазами, и предложил пройти с ним, и вместе посмотреть на обитателей здания. Они бродили по коридорам и комнатам, останавливаясь у каждого «постояльца». Так смотритель называл своих подопечных. Порой их болезнь не видна глазу. А порой они даже и не знают, что больны.

Для кого-то они были пугающе странные, и вызывающие отвращение, для кого-то наивно милые. Ленистр не боялся душевнобольных. Он понимал, что у этих людей что-то случилось с мировосприятием, и они теперь видят все по-другому. Плотник и смотритель долго бродили по коридорам и комнатам, и пытались в здешних сумасшедших разглядеть будущего помощника мастера. Поиски осложнялись тем, что Ленистр не представлял, как он должен выглядеть. Он не знал, кого ему искать. Он полагался на интуицию, и ждал, что она подскажет хоть что-нибудь. Сделает намек. Но она молчала.

Прогулка по лечебнице не принесла никаких результатов. И снова привычный график запланированных работ, трещал по швам. Наступал вечер, и мастеру надо было отправляться к своим коробкам. Заводить в них пружины, вынимать монеты, осматривать механизмы, и проверять точность их работы. Собираясь, в ставшую регулярной, вечернюю прогулку, он вдруг вспомнил, что те мешочки с деньгами, что он принес вчера, так и лежат на его столе. Ленистр подошел к ним, и стал по очереди развязывать, и пересчитывать деньги. Он вел строгую бухгалтерию, и хотел, чтобы у него все было точно. Раскрыв старую амбарную книгу, он вытряхивал на ее страницы содержимое каждого мешочка, пересчитывал, и складывал монеты в специальный сундучок, а на освободившихся страницах записывал результат.

Там были шесть колонок цифр. Отличалась только первая. В ней, если проследить от самого начала, число росло,

потом какое-то время было стабильным, а теперь уменьшалось. Вот уже неделю вместо привычных пятнадцати монет он доставал четырнадцать. Все еще находясь в мыслях, связанных с посещением лечебницы, он отрешенно высыпал содержимое первого мешка на раскрытую книгу. Пустую холщевую емкость он аккуратно свернул в трубочку, и засунул за пояс. Быстро пересчитав, он сгреб монеты в горсть и высыпал их в шкатулку. Потом взял перо, обмакнул в чернила, и написал в первой колонке «13». Потом были вторая, третья, четвертая, пятая, и шестая. Закрыв шкатулку, Ленистр посмотрел на страницы книги, чтобы убедиться, что чернила высохли, да так и замер с ней, поднятой к самому носу. Только сейчас до него дошло, что написанное им число из четырнадцати превратилось в тринадцать. Как это произошло, он не знал. Он был твердо уверен, что если посетителей пятнадцать, то и монет должно быть столько же. В магию и колдовство он не верил. Он верил в обман, и хитрость людей. Его обманули. Но где, когда? Злоба, рожденная бессилием, стала подниматься из середины груди к его вискам. Щеки приобрели пунцовый оттенок. Он открыл рот, и громко закричал. Гнев вышел из него вместе с криком. Пришла собранность. В голове зрел новый план. Но вначале нужно было убедиться, что вчера он забрал все монеты. Что если, одна, или две завалились куда-нибудь? Нужно проверить, и осмотреть весь механизм. Полный решимости, Ленистр захлопнул книгу и убрал шкатулку с деньгами. Потом вышел из мастер-

ской, и пошел к выходу. Накинул на худые плечи плащ, постоял возле двери, собираясь с мыслями, кивнул, и открыв дверь, шагнул на улицу.

Так быстро он не ходил уже полгода. Он словно летел, ловко перепрыгивая лужи, и лавируя между встречными прохожими. Вскоре Ленистр стоял перед своим творением, сжимая в руке деревянный ключ. От волнения пальцы вспотели. Глубоко вдохнув, он медленно выдохнул, и вставил ключ в замочную скважину. Раздался щелчок отмыкаемого замка, и верхняя крышка слегка дрогнула. Плотник откинул ее, и заглянул внутрь. Механизм был прост, и Ленистр еще раз убедился, что пропасть и завалиться куда-нибудь деньги не могли. Он извлек лоточки монетоприемника и ссыпал их содержимое в мешочек, который вытащил из-за пояса. Решив не пересчитывать монетки сразу, он отправился к другим коробкам.

По возвращении домой, он взволнованный, и без аппетита, достал свою книгу, и приготовил перо. Глубоко вдохнув, он развязал шнурок, и высыпал содержимое первого мешка на страницу. Монет было ровно тринадцать.

«Прямо детектив какой-то» – родилась мысль в голове. Она принялась кружиться, повторяясь снова и снова. Она мешала думать и сосредоточиться. В конце концов, Ленистр заставил себя поесть, и лег спать, решив, что это будет лучшим завершением для такого безумного дня.

Он пришел, как только освободился. Смотритель лечебницы узнал его, улыбнулся, и предложил пройтись снова, и еще раз осмотреть постояльцев. Они двигались медленно по коридору, иногда останавливаясь, чтобы понаблюдать за кем-нибудь. Беседа, которую они вели между собой, больше напоминала разговор двух старых приятелей. Один рассказывал, что его замучили боли в спине, а другой делился мистической историей о пропадавших ежедневно монетах. Однако, всякий раз, когда они останавливались около очередного постояльца, разговор менял свое русло, и касался особенностей пациента. Тщательно выслушав смотрителя, и иногда задав интересующие его вопросы, Ленистр брал своего спутника под локоть, и они отправлялись дальше. Вскоре комнаты и коридоры закончились, и они вышли во двор лечебницы. Там, возле огромного раскидистого дуба, который рос в самой середине двора, сидел парнишка, лет тринадцати. Погода была теплая, и он расположился прямо на траве, в тени могучих дубовых веток. Сложив ноги по-турецки, он что-то строил из подручного материала. Небольших веточек, причудливой формы, и старых кубиков, с облупившейся краской.

– Я почему-то не припоминаю его. – Задумчиво сказал Ленистр. – Кажется, его не было в прошлый раз.

– Вполне возможно, что он ходил где-то, или отлучался по нужде. – Предположил смотритель.

– А чем он болен? – Поинтересовался Ленистр.

– Он не умеет разговаривать.

– Глухонемой?

– Нет, он все слышит, но не может, или не хочет говорить. – С грустью в голосе ответил смотритель.

– А если его научить писать? – Предложил мастер.

– Напрасно. – Смотритель вздохнул. – Мы пытались, но увы... безуспешно. Он внимательно посмотрел на Ленистра. Плотник не сводил глаз с мальчика.

– Я хочу вас предупредить. Дело в том, что это особенный юноша, и если вы хотите стать опекуном для него, мы должны быть уверены, что вы готовы стать для него другом, и не предадите в случае появления каких-то трудностей. Предательство ему е знакомо. А возвращение сюда нанесет ему глубокую рану.

Ленистр смотрел, как парень аккуратно, и ровно строил свое нечто, и понял, что лучше ученика, и помощника ему не найти на всем белом свете. Вот наконец и настало время разделить свою мастерскую с кем-то еще.

– Можно мне поговорить с ним? – Гость с нескрываемым интересом смотрел на юного строителя.

– Давайте у него самого спросим. – Сказал смотритель, и присел на корточки. – Здравствуй, Варо! – Он подождал, пока мальчик повернет голову и посмотрит на него. Затем

он продолжил. – У этого человека своя мастерская, хочешь, он научит тебя работать с деревом?

Варо сидел, и делал вид, что не слышит. Но, он лишь делал вид, и те двое, которые находились рядом, заметили это. Плотник тоже присел на корточки, и поздоровался. Варо взял кубик, который стоял на вершине конструкции, и дал его Ленистру.

– Я плотник. – Сказал мастер. – И знаю про дерево почти все. Например, этот кубик из березы. Она теплая, и белая. А еще она очень красивая. Особенно весной. – Он протянул для знакомства правую ладонь. – Меня зовут Ленистр.

Вместо ответа на рукопожатие, Варо положил в нее еще один кубик. Потом поднялся, и хитро улыбнувшись, пошел через двор в здание.

– Мне кажется, на сегодня достаточно. – Подвел итог наблюдатель – Пойдемте, я вас провожу.

Не проронив ни слова, они подошли к выходу. Ленистр попрощался, но перед уходом спросил разрешения прийти завтра, чтобы навестить Варо.

В течение недели, плотник каждый день приходил в лечебницу. Вначале, он приносил что-нибудь с собой, чтобы показать Варо, и рассказать об этом. Чаще всего это были кусочки древесины, с красивым, или необычным рисунком годовых колец и прожилок. Парень с интересом слушал мастера, держа в руках принесенные образцы. Он, как бы запоминал их на ощупь, добавляя то, что чувствовал к зрительному

образу. А еще, ему нравилось, как дерево звучало. Каждая дощечка, каждая щепочка или ветка имели свой голос. Он постукивал по ним кончиком ногтя, и слушал.

Когда прошла еще неделя, Ленистр начал забывать о том, для какой цели ему понадобился ученик. Он так увлекся этим юношей, что с нетерпением ждал следующего дня, чтобы снова с ним встретиться, и поговорить о чем-нибудь. Да, именно поговорить. Я не ошибся. Потому, что у него появился не только слушатель, но и собеседник. В это трудно поверить, но можно разговаривать даже с немым человеком. Вполне достаточно того, что он будет кивать, соглашаясь с вами, или осуждающе качать головой. Есть, в конце концов, язык жестов, который все без исключения знают. В общем, две одинокие родственные души встретились, и теперь наслаждались общением. Это не всегда была какая-нибудь беседа, порой они, молча, прогуливались по двору. А потом, также молча, не проронив ни слова, прощались до следующего дня.

В один из таких визитов, Ленистра пригласил к себе в кабинет смотритель лечебницы. Они расположились каждый на своем стуле, по разные стороны старого письменного стола.

– Не возражаете, если я закурю? – Спросил хозяин кабинета, и получив положительный ответ, выдвинул на себя ящик. Из него он извлек кисет с табаком и трубку. На затертую столешницу он положил листок бумаги, и стал наби-

вать над ним чубук. Большим пальцем он утрамбовывал табак до необходимой плотности. Крупинки, которые падали на бумагу, потом отправились обратно в кисет. Когда курительная емкость наполнилась, смотритель взял трубку в руку, встал, обошел вокруг своего гостя, подошел к окну, и открыл его. Из кармана пиджака он достал спички. Покрутив коробок, он вынул одну, но перед тем как чиркнуть ею, спросил:

– Вы не задумывались над тем, что наша жизни чем-то схожа с этим коробком? Смотрите, я беру спичку, и зажигаю. Она вспыхивает очень ярко, а затем, едва не погаснув, разгорается. Можно, наклонив ее, усилить горение, или затушить. – Спичка, догорев почти до пальцев, погасла. Смотровитель взял в зубы трубку, и, чиркнув новой спичкой, поднес занявшийся огонек к табаку. Дважды затянувшись, выпустил густой клуб дыма.

– — Я хотел бы вам рассказать историю о том, как Варо появился здесь. Потому, что вижу, вы, в некотором роде, привязались к нему.

– Вначале, я тоже думал узнать от вас о нем, но потом задумался. Вдруг это изменит мое отношение? Что я буду делать, если знание отнимет у меня друга?

– Понимаете, мне бы тоже не хотелось, чтобы вспыхнувший между вами огонек погас, так и не согрев своим теплом ваши души, и не раскурив трубку вашей дружбы.

Смотровитель дважды затянулся, и выпустил очередной

клуб дыма. Он вернулся на свой стул, и откинулся на его спинку.

– Вы достали из коробка спичку не похожую на другие. Но вы сделали это для чего-то. Просто так спички не достают. И уж тем более не зажигают. – Продолжал он.

– Я хотел, чтобы стало светлее. – Ленистр, не мигая, смотрел на собеседника.

– То есть огонь, рожденный спичкой, поселился бы в лампе?

– Да, на кухонном столе, где мы сидели бы вдвоем, и пили остывающий чай.

Смотритель улыбнулся, и запыхтел потухающей трубкой, наполнив комнату ароматом хорошего табака.

– Произошло это лет двенадцать назад. Меня только-только назначили смотрителем этого заведения. Все новое, необычное. Тогда мой день пролетал часов за шесть. Я ничего не успевал, но это ничуть не огорчало, скорее радовало. Получалось не все, порой я словно натыкался на невидимые преграды. Но, воспитывали меня воином, настойчивым и терпеливым, поэтому, не спеша я вникал во все тонкости, и нюансы своей новой работы. А работа оказалась ой, какой интересной. Вы себе и представить не можете на сколько. Я изучал каждого постояльца, пытаюсь подобрать ключик к его душе. Вечерами, засиживаясь допоздна в кабинете, мог вообще не пойти домой. Хорошо еще, что не был женат в ту пору, не то супруга потребовала бы объяснений. Где, и как я

провел все это время, раз не пришел ночевать.

И вот, в один из таких вечеров, в дверь лечебницы постучали. Погода стояла холодная, дождливая. Накинув на плечи плед, и взяв в руку лампу, я пошел к двери.

— Кто вы? — Спросил я и приложил ухо к дверному полотну. Снаружи кроме шума дождя не было слышно ничего. Я еще раз спросил. И снова, кроме льющейся и капающей воды ничего не услышал. Интересас ради, решил выглянуть, и посмотреть, есть ли вообще там хоть кто-нибудь. Но как только я открыл замок, дверь распахнулась, и внутрь ввалился человек. Он промок насквозь, и уже начинал замерзать. Одежда прилипла, и напоминала морские водоросли. Губы посинели, и тряслись. По лицу струйками стекала вода, даже глаза, и те покраснели.

— Здравсьте! — Поприветствовал я, и прямо около двери начал стягивать с ночного гостя мокрую куртку. — Как же вас в такую непогоду занесло сюда?

— Да, вот... — пролепетал он, унимая зубную дрожь.

— Пойдемте! — Пригласил я жестом, и отдал ему свой плед. В одной руке держа лампу, в другой мокрую одежду, я быстро шел по коридору. За спиной отчетливо слышалось хлюпанье ботинок, полных воды. В кабинете, откуда я только что вышел, тлел камин, переливаясь красными огнями.

— Раздевайтесь! — Скомандовал я. — Завернитесь в плед, и раздевайтесь. Обувь тоже снимайте!

Гость нерешительно потоптался на месте, а потом нагну-

ся, и стал разуваться. Но нагнулся он с такой грацией, с такой легкостью, что я невольно позавидовал ему. Вскоре из одежды на нем был только мой плед. Мы придвинули кресло ближе к очагу. Продрогший гость расположился в нем, и укрылся пледом. Я подложил дрова в камин. Они быстро занялись ярким пламенем. В комнату начало вползать тепло. Мокрую одежду я отжал в раскрытом окне, и развесил над камином. Прогретая огнем, она сразу же начала источать еле заметный пар. Мокрые ботинки мы поставили тут же, на каминную решетку. Дрожь гостя унялась, он явно согревался. Лицо утратило синюшный оттенок, зубы перестали стучать.

– Спасибо! – Сказал он, глядя на огонь.

На вид лет двадцать, невысокого роста, крепко сложен. Скорее всего, его работа связана с физическим трудом. – Подумал я. Но было в нем что-то не от простого трудяги. То, как он держал голову. Гордо, с достоинством. В движениях чувствовалась некая пластика, совершенно не свойственная грузчикам, или другим профессиям, связанным с тяжелым трудом.

Я подошел к стенному шкафу, где хранились всевозможные бумаги. Там, на нижней полке, за закрытыми дверями я держу бутылочку восхитительного вина. Признаюсь откровенно, не испытываю страсти к горячительным напиткам. Скажу более, меня страшно раздражают пьяные люди. Но, согласитесь, порой хочется после тяжелого дня, развалиться в кресле с трубкой в зубах, и потягивая из бокала хоро-

шее вино. Такое ощущение, что три эти действия как-то дополняют друг друга, и по отдельности не имеют такого удивительного влияния. Я налил два бокала, себе и гостю. Ему нужно было согреться, а я приготовился к тому, что должно было вскоре произойти. Проработав с людьми довольно долго, я научился улавливать момент, когда человек хочет чем-то поделиться. А учитывая, мокрую одежду, и мое гостеприимство, сидящий в кресле обязательно вскоре заговорит. Бокал вина ему только поможет в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.